

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 112 (3296)

Суббота, 18 сентября 1954 г.

Цена 40 коп.

Оружие борьбы с суевериями

1. Как-то вечером, возвращаясь после поездки по району, я сидела в одной деревне группы людей, сидящих на траве недалеко от дороги. Красные огоньки папирос то затухали, то ярко вспыхивали, вырывая на миг из темноты серьезные, сосредоточенные лица. Не слышно было обычных шуток, разговоров, смеха. Я попросила шофера остановить машину, подошла к сидящим.

— Радио слушаем, — ответил на мой вопрос один из колхозников. — Дома жарко, а здесь благодать.

На столбе был укреплен репродуктор. Я прислушалась и узнала плеск Горького «На дне».

Давно уже скрывалась за поворотом деревня, а у меня в ушах все еще продолжали звучать слова: «Человек!.. Это звучит... гордо!». В этот вечер много раз слышанные, но только продуманные, но и крепко прочувствованные слова прозвучали для меня в особенной силе. Я огляделась вокруг. Где-то далеко-далеко в степи мерцали огоньки, слышен был гул работающего трактора. Колхозники, отпыхав после трудового дня, слушали радио: 27 населенных пунктов из 29 в нашем районе полностью радиофицированы, остальные два будут радиофицированы в этом году. В районе у нас 13 клубов. В них идут кинофильмы, репетиции, занятия кружков самодеятельности, лекции; только за первое полугодие этого года у нас прочтано более 400 лекций.

Машина подъезжает к райкому партии. Шофер выключил мотор, и в наступившей тишине я слышу веселые голоса, доносящиеся через открытое окно одного из домов. Я знаю этот дом, там сегодня проводится уезжает в Горький сын-студент. Сейчас в районе во многих домах такие проводы. В Москву, Горький, Казань и другие города уезжают на учебу юноши и девушки. Они возвращаются к нам агрономами, врачами, учителями. В районе кипит «учебная жизнь». С утра до позднего вечера полны школьные классы. Ребята смеяются родители — учащиеся вечерней школы взрослые. Много у нас заочников.

Расширяется кругозор наших людей, повышается их требования, растет стремление к знаниям. Только за последний год создано 9 колхозных библиотек. Кроме избачила и большой районной библиотеки, организована специальная передвижная автобиблиотека. Но даже 26 тысяч книг районной библиотеки не всегда могут удовлетворить запросы читателей, и часто книги приходится выписывать из областного центра, из Москвы.

Неузнаваемо изменилось лицо нашего района, неузнаваемо изменился духовный и моральный облик наших людей. А до революции эти места считались одними из беднейших и глухих. Даже Арамас, наш теперешний областной центр, был местом ссылки — туда был сослан А. М. Горький.

Мысленно оглядываясь назад, я невольно думаю о том, какая огромная работа проделана великой Коммунистической партией, какая всеобъемлющая сила заложена в нашем народе и как громко звучат сегодня слова великого писателя. Да, человек — это звучит гордо!

2. А в селе Болтинка есть у нас небольшая рощица. Обычный, холмовато-прозрачный, он в начале лета вдруг становится «святым», к нему складывают верующие в надежде исцелиться «святой водой». Тянется старик и старуха, горбатые и убогие, приходят любостыствующие, прибегают и дети, охочие до зрелищ.

Между тем я уверена, что нет у нас в районе человека, который не знал бы о П. М. Сеченове, — великий русский физиолог родился в наших местах 125 лет тому назад. Колхозники гордятся своим замечательным земляком и с большим интересом слушают беседы и лекции о его деятельности, борьбе за материалистическую науку. Ученый, всей своей жизнью опровергавший пошлые бредни, для них — «свой», «здешний». Интересуются наши колхозники и делами других больших ученых, живших в здешних местах, — академиком Филатова и Крылова, братьев Ляпуновых. В районе должна укрепляться хорошая традиция естественно-научной пропаганды, пропаганды атеизма.

Но вот однажды мне пришлось видеть в колхозе, как пожилая женщина, отложив домашнюю работу, присела у репродуктора и слушала передачу о Сеченове. А через несколько дней эта же самая женщина усердно готовилась к «престольному празднику». Что уж скрывать, немало рабочих дней пропадает в районе из-за какого-то святого, о котором и известно далеко не всем. Как же совместить одно с другим?

Я знаю людей — хороших колхозников, новаторов, ведущих борьбу со стихиями природы, всей своей работой опровергающих реакционные «законы» религии и всецело принимающих участие в престольных праздниках. Однажды вечером мне пришлось наблюдать, как молодая пара круто свернула с пути, обходя место, где пробежала черная кошка. Встретившаяся и ребят, смеясь колхозных мальчишек, коротающих время в прогулке у костров, смело шагающих в ночь, не боящихся ни бога, ни дьявола. И все же кое-кто из них верил, что сова приносит несчастье, а леший водится в лесу.

Разговаривая с людьми, наблюдая, составляя, я часто задавала себе вопрос: почему? Почему рядом с высокоразвитыми формами сельского хозяйства, с огромными достижениями науки, с лучшей формой культурной жизни удерживаются эти, едва ли не самые страшные, пережитки прошлого в сознании советских людей — религиозные предрассудки?

3. ШИРШОВА,
секретарь Сеченовского района КПСС
Армавирской области

Да, они живучи! Много сотен лет вбили народ в голову эту рабскую, холмо-скую идею о всемогущем боге. Но ведь смогли же мы в сравнительно короткий срок очистить сознание советских людей от других пережитков прошлого, смогла же наша партия воспитать миллионы сознательных, полноправных людей с коммунистическим мировоззрением. Почему же религиозные предрассудки еще остались, еще живут в сознании некоторой части людей и даже заражают молодое поколение?

Один пожилой колхозник сказал мне: — Религия — она что туман: бежит от солнца!

Суеверия, как туман перед солнцем, отступают перед наукой, перед знаниями, раскрывающими суть явлений, разоблачающими пошлые вымыслы. И лишь в самых темных уголках, куда не проникает свет знания, гнездится еще туман суеверий... Ну что ж, в нашем Сеченовском районе, по видимости, нет уже таких уголков — всюду радио, кино, книги, лекции — четыреста лекций! Как будто все мы сделали, что могли. Но если рядом с этим «светлая вода» и пьянство в честь неведомых святых, — значит, слабо еще, недостаточно мы работаем, не все у нас обстоит благополучно...

Когда в романе И. Ильфа и Е. Петрова Остап Бендер «дискутировал» с кем-то из Алоизиусом Моршексом о религии, он, как известно, повторил: «Бога нет!», но в дальнейшем в более подробное разбирательство. Бога нет — и почтен разговор! К сожалению, иные наши лекторы не идут дальше этого, не слышат убедительного утверждения. Или впадают в другую крайность: доказав достаточно убедительно, что человек произошел от обезьяны, а земля круглая, «завывают» подвести слушателя к выводу, что бога нет.

— Ну, что ж, — скажет иной пожилой колхозник, прослушав такую лекцию, — это, пожалуй, верно, что земля вокруг солнца ходит... — и сдает неожиданный вывод: — Эка премудрость господня! Мало ведь естественно-научную пропаганду регулярно, мало сделать ее доходчивой и убедительной. Она должна быть активной, наступательной и в полном смысле слова антирелигиозной.

Постараюсь разъяснить свои мысли и поделиться некоторыми соображениями с писателями, ибо считаю, что они в такой же степени ответственны за улучшение в идеологической работе, как мы, партийные и советские работники.

3. Да, вина в этом и ваша, товарищи писатели!

В. И. Ленин указывал, что научно-атеистическая пропаганда должна вестись самыми различными способами, должна быть яркой и гибкой, должна заинтересовывать верующих. Один из наиболее действенных способов такой яркой и гибкой пропаганды — литература. Однако я не могу назвать ни одной интересной, запоминающейся книги, вышедшей за последние два десятилетия, где бы поднимались вопросы научно-атеистической пропаганды.

Авторы многих и многих научно-популярных и научно-художественных книг пошли по линии чистой «познавательности». И в статьях критиков слишком уж часто, на мой взгляд, мелькает термин: «познавательная книга», «книга, насыщенная познавательным материалом». Но ведь каждое произведение такого рода должно прежде всего воспитывать читателя, использовать для этого имеющийся фактический материал. Если этого нет, то и появляются серые, скучные брошюры, лишние боевого, наступательного духа.

Как-то попалась мне в руки книга М. Пучкова «Среди лесов и лугов», выпущенная Ярославским областным издательством. Я прочтала ее и пожалела о потеряном времени. Такая книга не нужна читателю. Хотя, казалось бы, все здесь правильно: автор рассказывает о насекомых и птицах своего края, книга, так сказать, «насыщена познавательным материалом». Но я представляла себе, как путем и ненужным грузом будут для юного читателя эти сведения, даже если он запомнит их. Да и не запомнит, слишком уж скучно изложен материал. А вот другая книга — «Дракон Олим» П. Плавильщикова. Издана она в 1940 году и стала уже своего рода библиографической редкостью. Читая эту увлекательную книгу, я думаю о том, какую большую роль она могла сыграть в развитии детей, прочитавших ее, в формировании их взглядов.

До сих пор еще кое-где бродят сказки, домыслы по ночам мучают лошадей. И ребенок, у которого нет еще жизненного опыта, у которого только начинают складываться мировоззрение, может поверить этому. Судите сами, мальчик сам закричал лошади в конюшне, знает, что никто туда ночью не заходил, а утром видит лошадь взмыленную, со слуханной гривой. Ну конечно же, «домовой». А писатель В. Плавильщиков подумал о том, чтобы рассказать ребятам о маленькой ласке, которая приходит в конюшню ловить мышей и пугает лошадей.

Объяснение явлений природы, «чуждее», происходящих вокруг нас, рассказы о редких «дурных приметах» и о действительных народных приметах, которые основаны на многолетних наблюдениях над природой, — одна из важных задач наших писателей. Скажем прямо, до сих пор они не обходили важных актуальных вопросов нашей жизни, в том числе и таких сложных, как вопросы борьбы света с тьмой, атеизма — с суевериями.

П. Верзиллина — вот, пожалуй, и все, что мы имеем в активе научно-атеистической пропаганды в детской литературе.

Бастая говоря, не случайно я толкую здесь не о «взрослой», а именно о детской литературе. Почему-то случилось так, что вся наша научно-художественная, скажем, по зоологии, литература — монополия юных читателей. Видимо, считается, что для взрослых это уже не интересно. А я вот недавно заинтересовалась, что читают колхозники, и в половине просмотренных мною библиотечных формуляров среди произведений русских и иностранных классиков, советских писателей и поэтов увидела книгу того же Н. Плавильщикова «Юным любителям природы».

Мне кажется, что создание подобных книг для взрослых во многом способствовало бы научно-атеистической пропаганде, но лишь при том неизменном условии, что они будут нести в себе активное наступательное начало, будут не только сообщать знания, но и воспитывать читателя. Тогда между знаниями людей и их сознанием не будет того разрыва, какой есть еще у некоторых наших колхозников.

4. Общеизвестно, какое большое место в прогрессивной русской литературе занимает боевая атеистическая пропаганда. Произведения Радцева и Пушкина, Герцена и Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Писарева, Успенского, Чехова, Короленко, произведения Горького и Маяковского разоблачали реакционную сущность религии. Почему же наши писатели совершенно уклонились от этой темы?

Несколько лет назад мне пришлось присутствовать на читательской конференции, посвященной книгам о преобразованиях природы. Участники конференции много и горячо говорили о достоинствах и недостатках книг М. Ильина, В. Лебедева, В. Сафонова, Г. Фина. А в конце один из выступавших заговорил, казалось, на тему, не имеющую прямого отношения к обсуждаемым книгам. Он вспомнил, как много лет назад его одолевало, переписываясь с И. В. Мичурным, решил вывести новый сорт яблок у себя в деревне. Колхозник рассказывал о том, каким преследованиям подвергался этот садовод-новатор со стороны духовенства, считавшего, что он «оскорбляет бога».

Жаль, не присутствовал на этой конференции писатели... Даже в таких хороших книгах, как «Преобразователь природы» В. Лебедева, «Павлов» А. Югова, «Земля в цвету» В. Сафонова, забыта, по сути, антирелигиозная тема. А ведь на материале каждой из них можно было бы провести большую и серьезную атеистический разговор. И это никак не отступление от темы: само содержание этих книг ратует за то, чтобы такой разговор состоялся.

Все сказанное в полной мере относится и к романам, повестям, пьесам. Смешно, конечно, требовать от всех писателей, о чем бы они ни писали, чтобы они обязательно «отразили» и «отобразили» атеистическую тему. Но есть книги, темы которых очень близко лежат к вопросам антирелигиозной пропаганды.

И не беру на себя смелость указывать писателям, но мне думается, что А. Колтычева в своем романе «Иван Иванович» могла бы и не упустить из поля зрения эту тему. Герой ее, большой и умный человек, работающий в еще недавно столь густых местах, наверняка сталкивался не только с невежественными людьми, но и с активным противодействием так называемых «служителей культа». Видимо, ему приходилось бороться с этими пережитками прошлого. Ничего похожего в романе А. Колтычевой нет. А работа доктора Власенковой в увлекательных романах В. Каверина — разве не дает она повода, толку о познаваемости и изменчивости мира, поговорить в связи с этим — в более активном, наступательном духе — о религиозных предрассудках? Ведь против этих предрассудков всем своим трудом борются герои В. Каверина. Мне думается, что это не было бы отступлением от истины и книга не пострадала бы, а, напротив, выиграла от этого. Таких примеров «неиспользованных возможностей» в литературе можно привести очень много. И сожалению, обратных примеров я привести не могу.

Несколько благополучнее обстоит дело в исторических романах. В книге Т. Семушкина «Аллит уходит в горы», романах Н. Задорова и некоторых других показана роль духовенства в эксплуатации и закрепощении трудящихся. Но вряд ли можно довольствоваться этим.

Могут возразить, что цель писателя была показать людей, их борьбу, работу, переживания. Верно, но разве люди эти не ведут всей своей деятельностью борьбу с религиозными предрассудками? Разве своей жизнью, своими делами они не отстаивают определенное мировоззрение? Разве они не утверждают на деле материальность, познаваемость и изменчивость мира? Так почему же об этом не сказать прямо? Видимо, писатели решили, что «бога нет и делу конец», видимо, не поняли они, не разглядели в жизни тяжелых и чрезвычайно живучих пережитков прошлого.

Один из самых активных читателей нашей районной библиотеки — 70-летний колхозник П. Л. Фатов сказал библиотекарю: — Жить без книги не могу!

Но ведь и книга не может жить без читателя. А читатель ждет ответа на волнующие его проблемы, требует, чтобы литераторы не обходили важных актуальных вопросов нашей жизни, в том числе и таких сложных, как вопросы борьбы света с тьмой, атеизма — с суевериями.

Народная Конституция

В зале абсолютная тишина. Так продолжается 5—6 минут. И вдруг раздаются шелест бумаги, как будто по сухой траве пробежал ветерок. Это так неожиданно, что мы, журналисты, невольно отрываемся от своих блокнотов. Оказалось, депутаты перевертывают первую страницу доклада Лю Шао-ци. Более тысячи человек одновременно перебрались слева направо по первому листку напечатанного доклада о проекте Конституции Китайской Народной Республики.

Над жетонными скамьями депутатов листки взметнулись, как крылья белых голубей, и сразу же покорно притихли. Через каждые 5—6 минут это повторяется снова и снова, пока не перевертывается последняя, 46-я страница.

Депутаты первой сессии Всекитайского собрания народных представителей внимательно читают слова доклада. Я написал «читают» вместо «слушают» не случайно. Китайский язык в своей звуковой части делится на несколько диалектов.

Перед депутатами лежат тетради, в которых доклад напечатан иероглифами. Их читают все по-разному, но понимают все одинаково.

Древен Китай, древняя его культура. Иероглифы в Китае возникли еще в конце третьего тысячелетия до нашей эры. Но за многие, многие столетия впервые китайскими иероглифами написаны слова, которые открывают востину новую эру вековой стране.

На трибуне стоит высокий седовласый человек. Лицо его сосредоточенно-серьезно, под черной шапкой, будто не только подобно и убежденно излагает прктик первой истинно народной Конституции Китая.

А в зале время от времени проносится шелест страниц. Кажется, перевертываются страницы истории.

Более ста лет китайский народ вел героическую борьбу за демократические свободы. Начиная от Цинского правительства и кончая гоминдановцами, было опубликовано множество «конституций». Но это было, говорит Лю Шао-ци, не чем иным, как попытками обмануть народ жестокими конституциями, целью которых было подержать и укрепить наскавозь прогнивший режим.

Истинно народную Конституцию обеспечила Китаю победоносная революция.

Мы выработали Конституцию, — сказал Лю Шао-ци, — опираясь на факты. Что это за факты, на которых мы основывались? Это — окончательная победа, одержанная народом нашей страны в ходе длительной революционной борьбы против империализма, феодализма и бюрократического капитала; создание прочного народно-демократического государства, основанного на союзе рабочих и крестьян и руководимого рабочим классом; утверждение в нашей стране прочного руководящего положения социалистического сектора хозяйства; начало систематического проведения социалистических преобразований и последовательное осуществление перехода нашей страны к социализму.

Второй день идет обсуждение проекта Конституции. Выступило уже несколько десятков депутатов. Каждая речь — страница великой книги, через которую раскрывается великая страна, ее народ.

Заместитель премьера Государственного административного совета Хуан Янь-пай с трибуны сессии рассказал, как в отдаленной деревне крестьяне спросили агитатора: «А что это за слово «конституция»? Когда слово было разъяснено, они в один голос забили: «Так значит, это наш закон для нас самих. Его надо не только хорошо обсудить, но хорошо и делать — статью за статью».

Во всенародном обсуждении проекта Конституции участвовало 150 миллионов человек. Но они не только обсуждали Конституцию, они уже выполняли ее или, выразившись словами крестьян, «делали» статью за статьей. Об этом рассказывают депутаты с трибуны своего первого парламента.

Инженер Юй Бай-цвань сообщил: — Усилиями моего коллектива мы реконструировали и расширили Финансовую гидростанцию, заставили ее работать на пользу индустриализации страны.

— Мы, рабочие, — сказал Герой Труды Ван Чун-чун, — стали хозяевами страны. Мы трудимся для себя, для своего государства, и именно поэтому мы горячо любим труд. Партия учит нас: трудности — испытание, настойчивость — победа, и если ты решительный, — все удается. Мы не боимся трудностей, мы настойчивы и решительны. Поэтому нам удастся сделать Китай индустриальным.

Председатель сельскохозяйственного производственного кооператива Хань Энь сказал: — Наш кооператив посадил четыре тысячи плодовых деревьев. Каждый член кооператива знает 300—400 иероглифов.

Доктор Чжу Фу-тан поделился своей радостью: — В Пекине построена огромная светлая больница для детей.

Воздух Лу Синя — Сунь Гуан-тин закончил свою речь так: «У нас есть маяк — генеральная линия, компас — Конституция, нас ведет коммунистическая партия. Перед нами прекрасные перспективы — социализм!».

С. КОЖЕВНИКОВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»
ПЕКИН, 17 сентября. (По телеграфу)

Переводы Юлиана Тувима

В дни месячника укрепления польско-советской дружбы литературная общность Польши отмечает шестидесятилетие со дня рождения крупнейшего польского поэта, большого друга и популяризатора русской и советской литературы Юлиана Тувима.

Юлиан Тувим, творчество которого пользуется любовью советских читателей, оставил не только замечательные поэтические произведения, но и блестящие переводы русских классиков и советских поэтов. Недавно Государственный издательский институт в Варшаве выпустил в свет трехтомный сборник переводческих трудов Ю. Тувима, в который вошли переводы из русской литературы.

В 47 странах

Китай, Индия, Германская Демократическая Республика, Франция, Италия, Англия, Индонезия, Дания, Австрия, Турция, Сирия, Греция — вот перечень стран, в которых только в одном 1954 году состоялись и еще состоят советские торговые выставки.

За девять послевоенных лет наша страна более 70 раз участвовала в зарубежных торговых выставках. В павильонах СССР экспонируются легковые и грузовые автомоби-

ли, станки, текстильные, полиграфические и сельскохозяйственные машины, электротехническое оборудование, радиоприемники, дорожно-строительные машины, нефтяное и горнорудное оборудование, текстиль, фарфор, меха, кружева, музыкальные инструменты, проволочные, фармацевтические и многие другие товары.

И в каком бы городе мира ни открывались советские торговые выставки, каждая из них говорит: Советский Союз готов торговать со всеми странами на условиях равенства и взаимной выгоды.

в Турции, Сирии, Индонезии, Греции, Германской Демократической Республике, Австрии и Англии.

Все они привлекают огромный интерес населения этих стран, что объясняется не только качеством советских товаров, но прежде всего интересом к Советской стране.

В Бангкоке на Таиландской конституционной выставке Советский Союз представил свои товары в небольшом красном двухэтажном павильоне, а громоздкие промышленные и сельскохозяйственные машины — на открытой площадке. Таиландцы толпились или на рубиновый свет патиконечных звезд; она возвышалась над советским павильоном и была видна со всех окрестностей Бангкока. Чтобы отвлечь посетителей от этого павильона, некоторые иностранные фирмы стали устраивать громко-артиллерийские фейерверки, американцы, в павильоне которых не было ни одного экспоната, кроме различных «кривых», показывающих помощь США «бедным» странам, срочно привезли на выручку джазистов...

На выставке закрывалась, в советском павильоне были раскуплены почти все экспонаты: ковры, часы, велосипеды, радиоприемники, часть станков, сельскохозяйственные, текстильные и другие машины. А самый павильон, собранный из деревянных рам резной работы с колониями ржи, белоснежный и воздушный, получил первую премию «За красоту постройки и оформления».

О качестве советских товаров говорят тысячи записей простых людей в книгах отзывов. Об этом же свидетельствует и тот факт, что в Копенгагене, например, на советской выставке американский автомобильный «король» Генри Форд-младший провел больше часа у советских автомобилей и особенно у 25-тонного самосала.

...Одна из грандиознейших наших торговых выставок откроется первого октября в Пекине — в день пятилетия со дня провозглашения Китайской Народной Республики.

На окраине города, по дороге к Летнему дворцу — месту воскресного отдыха горожан, заканчивается строительство павильона. В нем разместятся выставочные залы, кинозал, русский ресторан, театр эстрады на три тысячи зрителей. В большом зале покажет свои экспонаты раздел «Советская скульптура и живопись».

Среди промышленных экспонатов — последние марки советских паровозов, электровозов, цельнометаллические и мягкие вагоны, вагон метро. Вся площадь выставки равна более чем ста десяти тысячам квадратных метров.

Весной будущего года наши выставки откроются в Пакистане, Аргентине, Голландии...

Как ответ на советскую выставку в Копенгагене, вчера в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, открылась торговая выставка Дании. В ее павильонах представлены товары широкого потребления, пищевые продукты, электроаппаратура, медицинское оборудование, предметы домашнего обихода.

Питомцы сельской школы

Кто вырастил по 30 центнеров пшеницы с гектара? Бригада, где помощником бригадира Иван Болобан. Кто в период жатвы намолочил с каждого гектара по 23—25 центнеров зерна? Комсомольский агрегат комбайнера Григория Макаручука. Кто быстрее всех добывал зерно от комбайна на сыпной пункт? Молодой колхозник шофер Сергей Storozhuk.

Кто же такие Иван Болобан, Григорий Макаручука и Сергей Storozhuk? Они — молодые колхозники и механизаторы из одного села, воспитанники одной школы. Рядом с ними в шляховском колхозе имени Сталина, Винницкой области, трудятся сегодня большинство выпускников местной семилетней школы. 16 сентября газета «Правда Украины» посвятила им передовую статью и страницу.

Каждое выступление, помещенное на этой странице: заметки воспитанников шляховской сельской школы — электрика П. Харкуция, доярка А. Бойко, помощника бригадира И. Болобана, комбайнера Г. Макаручука, телестяжиста А. Гевел и тракториста Г. Макаручука; статьи председателя колхоза имени Сталина С. Сампанаса и секретаря колхозной парторганизации Г. Такачука, озеры Ж. Ткаченко, фотографии Ж. Пирковско. Уверительно и интересно рассказывают тесные дружеские связи и взаимопомощь передового колхоза и сельской школы. В этом — главное! Нет такого дела в колхозе, в котором бы не участвовала активно школа, и нет та-

кой нужды у школьников и учителей, на которую бы не откликнулся колхоз!

Школьному «звену высокого урожая» в этом году, например, выделена четверть гектара колхозной земли. Весною ребята посадили здесь картофель квадратно-гнездовым способом, и специалисты говорят, что урожай будет не менее 700 центнеров картофеля в гектаре! А прошлой осенью на школьном участке шестиклассница Люба Думанская со своими подругами собрала 700 центнеров сахарной свеклы с гектара. В этом году девочка проводит опыты по повышению веса и сахаристости свеклы, каждый корень уже весит 600—700 граммов. Юная знаменитость Л. Думанская — участница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. И одна она: участницами выставки являются юнаты шляховской семилетки Петья Бондаренки, Вера Ближнюк и Федя Ищенко. Все ребята мечтают о том, чтобы, окончив школу, пойти работать в свой родной колхоз. И, конечно же, продолжают учиться — в агротехнических школах, вечерней десятилетке, заочных техникумах.

«Порою приходится слышать, как иные руководители колхозов сообщают, что, закончив учебную, молодежь уходит из села, — пишет газета, — сетуют, объясняют пример того, какие благодатные плоды приносит учебно-воспитательная работа школы — крепкая связь с жизнью, с колхозом.

В Шляховой хорошо понимают, что сельской молодежи нужен и клуб, и театр, и спортивная площадка. Правление колхоза имени Сталина заботится о том, чтобы дети хорошо учились и интересно отдыхали. А принимаая от школы новое поколение, умеют найти каждому юноше, каждой девушке дело по душе, дать простор инициативе, таланту.

Колхоз строит двухэтажное здание школы-десятилетки. В прошлом году правление колхоза выделило две тысячи рублей и автомашину для экскурсий. Сам председатель колхоза Сергей Порфирьевич Самандас повез школьников в Киев, вошел их в филиал музея В. И. Ленина, в Музей русского и украинского искусства, показывал исторические памятники, ходил с ними в зоопарк, покатали на катках по Днепру. Выпускники летом дети осматривали заводские «Софиевские», лаборатории, оранжереи и опытные поля Уманского сельскохозяйственного института. Как все это интересно и важно для правильного воспитания детей!

В передовой статье «Правды Украины» содержится и серьезный упрек работникам Министерства просвещения УССР. Они, оказывается, ни разу не побывали в Шляховой, а ведь здесь они, безусловно, нашли бы замечательный пример того, какие благодатные плоды приносит учебно-воспитательная работа школы — крепкая связь с жизнью, с колхозом.

КИЕВ. (Наш корр.)

НА ВЫСНИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ КУРСАХ

В прошлом номере нашей газеты сообщалось о начале занятий на Высших литературных курсах Союза советских писателей, открывшихся при Литературном институте имени М. Горького. На снимке (слева направо): группа слушателей курсов А. Бикчевелова (Баширши), Гафар Мирзова (Таджикстан), Гурген Бороя (Армения), Я. Усачева (Чувашия), Н. Гирьяк (Украина), Д. Аймурзаева (Кара-Калпакия), А. Токаев (Осетия), А. Салынский (РСФСР) и А. Волков (Марийская АССР). Фото Б. Пушнина

СПОР О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ ГЕРОЕ

Три месяца прошло после Третьего съезда писателей Советской Латвии. Ведущие латвийские писатели выступили на съезде достаточно активно, и все же съезд начался с творческого разговора. Продолжением его явилась состоявшаяся недавно в Союзе писателей — на расширенном заседании правления — дискуссия о положительном герое.

Вопрос о положительном герое серьезно волнует латвийских литераторов. С трибуны Третьего республиканского съезда раздался требовательный голос читателей. Мы хотим, говорили читатели, увидеть в книгах яркий образ нашего современника, положительного героя нашей эпохи, образ, который служил бы примером нашей молодежи.

Поводом для дискуссии послужила статья редактора газеты «Литература ун максла» В. Калпина «Что необходимо для развития положительного героя?»

Во многих произведениях послевоенной латвийской литературы, писал В. Калпин, положительный герой бледен и схематичен, в нем нет жизни, он напоминает ангела, а не живого человека. Причина заключается в неверном взгляде на сущность образа положительного героя, взгляде, господствующем среди наших писателей. В жизненной действительности нам не встречается человек-атлант, в котором все хорошо. Дилетантизм, утверждал В. Калпин, учит, что у всех предметов и явлений есть своя положительная и своя отрицательная сторона. Это распространяется и на человека. Значит, и в характере положительного героя обязательно должны быть и положительные и отрицательные черты, должна происходить борьба между ними, иначе характер потеряет динамику, перестанет развиваться. Эти основные положения своей статьи В. Калпин повторил в докладе на заседании правления.

Выступление В. Калпина вызвало оживленные споры. Почти все писатели — участники дискуссии возражали В. Калпину, говорили, что он неверно, начетнически понимает законы диалектики.

Ян Грант заявил, что статья В. Калпина имеет положительное значение потому, что вызвала писателей на активное обсуждение важного вопроса. Но с утверждениями В. Калпина Ян Грант не согласился. В статье и в докладе В. Калпина, сказал он, было много абстрактных рассуждений, не подкреплённых конкретным жизненным и литературным материалом.

Ян Грива возражал против утверждения В. Калпина, что не может быть героя без отрицательных черт. Примером для опровержения этого неверного взгляда, говорил он, в литературе сколько угодно. Вспомним Мересьева из «Повести о настоящем человеке». Палитра писателя не должна ограничиваться лишь черной и белой красками. Нужно использовать всю гамму красок, которую дает писателю жизнь. А «решения» В. Калпина приводят к обеднению жизни, к литературному схематизму.

— Да, в человеке во многих случаях происходит внутренняя борьба. Но разве это главное? Объявляя внутреннюю борьбу главной движущей силой развития характера, В. Калпин, — говорил Ян Грива, — неверно вульгаризирует марксизм, забывая влияние среды, общества. Если все столь неверно объяснять внутренней душевной борьбой, то, право же, можно впасть в догматизм. Надо помнить также о литературных жанрах, об их специфике. Эта специфика жанров налагает на писателя некоторые неизбежные ограничения. Нельзя призывая, например, к обязательному развитию характера в рамках маленького рассказа.

Тезис о влиянии жанровой специфики на изображение героя поддержал также Арвид Григулис. Не всегда возможно и не всегда нужно в произведении малой

формы дать характер в динамике, в противоречии, в душевной борьбе! В романе также нельзя требовать в одинаковой степени обязательного для всех героев развития характера.

Искусственное введение отрицательных черт в образ положительного героя отнюдь не является средством спасения от схематизма. Разве мало у нас серьезных произведений, в которых герои душевно «мучаются», «перестраиваются»? У героев пресловутая внутренняя борьба, а читатели в них не верят.

Нельзя абстрагироваться также от цели, которую ставит перед собой автор. Если он хочет дать идеального героя, абсурдно требовать, чтобы он во что бы то стало «добавил» своему герою и отрицательные черты. Другое дело, когда автор ставит своей задачей показать именно борьбу человека с пережитками капитализма в своем сознании. С этих позиций А. Григулис критиковал некоторые положения статьи А. Велишвили «Герои реальные и герои придуманные», напечатанной в предпоследнем выпуске «Литературной газеты».

О том, что нашей литературе необходим идеальный герой, который стал бы примером для подражания, говорил в своем выступлении на дискуссии Д. Нагишкин. Он анализировал образы Эдгара Клявы из романа В. Ладиса «Поселок у моря» и Ильзы Юрис из повести А. Григулиса «На улице Ленина горит свет». По мнению оратора, это убедительные примеры удачного решения проблемы положительного героя. Резко критиковал Д. Нагишкин статью В. Калпина за то, что она предписывает писателям «отвешивать» герою поровну и хорошего и плохого, чтобы те не превратились в «ангелов».

Долг писателя — создавать яркие образы положительных героев, могущих стать образцом для подражания. Эта мысль лежала в основе выступлений Анны Саксе и Ф. Рокенпися.

Нельзя забывать о воспитательной роли литературы, — сказала Анна Саксе. — В нашем распоряжении — язык образов. От того, насколько он ярок, зависит сила нашего воздействия на читателя. Никакие, самые лучшие намерения не спасут писателя, если его образы будут бледны. Нельзя создавать образы по рецептам. Герои романа М. Зунтера и А. Вилла «Занозы» — Прена, видимо, для «оживления» искусственно наделены отрицательными чертами. Это разрушило логику образа, сделало его весьма неудачным.

Большинство выступавших отмечало, что инициатива правления Союза, организовавшего дискуссии, заслуживает одобрения, что подобные творческие дискуссии могут реально помочь развитию латвийской литературы и критики.

Отрадно отметить высокую активность писателей и хороший теоретический, профессиональный уровень обсуждения. Писатели — участники дискуссии стремились доказывать свои положения анализом конкретных произведений латвийской и русской советской литературы.

Естественно, как и во всяком трудном деле, в проведении и организации дискуссии были и недостатки. На расширенное заседание правления собралось не так уж много писателей. Мало было молодых литераторов, особенно прозаиков, а их участие в дискуссии принесло бы, конечно, большую пользу.

Правление Союза писателей Латвии решило провести в октябре еще две дискуссии — о значении конфликта в художественном произведении и о вопросах развития литературной критики. Будем надеяться, что они пройдут плодотворно и станут значительными вехами в подготовке литераторов Латвии ко Второму всесоюзному съезду писателей.

Р. ТРОФИМОВ
РИГА

ПРЕДСТОЯЩИЙ Второй съезд советских писателей вызывает в эти дни особенное внимание к советской литературе среди многочисленных друзей советской книги за рубежом. Произведения советских писателей пользуются любовью трудящихся и прогрессивной интеллигенции во всех странах. Одной из стран, где советская литература имеет большое распространение, является Франция. За последние годы здесь в прогрессивном издательстве «Эдифер франсе регион», в других издательствах, на страницах газет и журналов было опубликовано свыше 50 произведений советских писателей.

Мы печатаем сегодня статью французской писательницы Доминики Дезанти о ее беседах с читателями советских книг во Франции.

Я выступала в разных городах Франции, в Швейцарии и в Брюсселе с докладами на тему «Новый человек в советской литературе». После этих докладов всегда происходило обсуждение. И я видела, как читатели стран французского языка, живущие в различных условиях, воспринимают произведения советских писателей. Эти произведения рисуют незнакомый для них мир, на который у нас клеветают и в правительственной прессе и по радио и о котором наши читатели получают из романов, так сказать, «неполитическое» представление.

Вообразите себе мою аудиторию. Ну хотя бы ту, перед которой я выступала в этом году в начале лета в Марселе, втором по величине городе Франции, получившем название «Ворота Востока». И в самом деле, его узкие улицы, расположенные по горе уступами, пестрое тряпье, висящее на веревках в окнах, торговки рыбой в Старом порту, алжирские кучки, продающие ковры, серебристые записки и кольца, как бы переносят вас в страны на других берегах Средиземного моря.

Аудитория моя, в основном, состояла из рабочих-металлистов, докеров и их жен. Но в первых рядах сидели три врача, несколько адвокатов, несколько учителей, студенты. Они были воспитаны на классической литературе и имели свои собственные взгляды относительно литературы и ее тем. У других был любознательный ум, но читали они, «что пришлось» — Виктор Гюго и Бальзак, Золя и Александра Дюма, а кроме того, потребовали самое убогое чтение — бульварные романы, которые читаются во всех газетных киосках.

Все мои слушатели испытывали на себе удручающее влияние общества, в котором они живут, на каждого оно в той или иной мере оказало воздействие.

Обсуждение, происшедшее после доклада, обычно сосредоточивалось на нескольких книгах советских авторов. По всей Франции, а также в Швейцарии и в Бельгии мне называли одни и те же произведения. Следовательно, мы можем их считать характерными. Мне называли «Цемент» Гладкова — из книг начального периода советской литературы, «Как закалялась сталь» Островского, затем всеякого перехода следовали: «Буря» Эренбурга, «Молодая гвардия» Фадеева (о ней всегда говорила молодежь), «Повесть о настоящем человеке» Полевого, «Далеко от Москвы» Алаева, «Это было в Ленинграде» Чаковского. Наконец, наибольшим спросом у прогрессивных читателей пользовался в этом году роман «Жатва» Николаевой.

На таких собраниях самое трудное — это вызвать первый вопрос слушателей. В Марселе первый вопрос задала мне женщина-врач, не коммунистка, но член делегации, ездившей в Женеву требовать прекращения войны в Индо-Китае.

— Я читала «Далеко от Москвы», — сказала она, — это правдивая и волнующая книга в той части, где образы людей раскрываются через их отношение к труду. Когда же речь заходит о любви, диалоги становятся неестественными, чувства — вымышленными, образы героев бледнеют и расплываются. Однако я не могу поверить, чтобы эти люди, мужчины и женщины, которых нам показывают сложными и интересными в их труде, переставать быть такими в своей личной жизни. Что же это значит?

— Я думаю, чтобы талантливого драматурга Г. Мдивана, у которого было не мало творческих удач, мог позволить себе писать пьесу так же небрежно, легковесно, как он сделал сценарий «Солдат Иван Бровкин», опубликованный в журнале «Искусство кино», № 8. Психологическая немотивированность поступков героя, неестественность ситуаций, прямолинейность сюжетных ходов отличают это произведение.

Явно чувствуется, что автор смотрел на свою работу, как на полуфабрикат, в специфике экрана он видел лишь ее синопсис зрелищности, эффекты которой он все покрывает, оправдывает и доводит. Такой взгляд, к сожалению, распространен. Очевидно, соглашаясь с такой интерпретацией специфики кинематографии, один наш видный писатель сказал: «Это не плотничья, а фанерная работа».

Это не плотничья и не фанерная, а ювелирная работа! Работа, где писатель должен проявить себя одновременно и как мастер прозы и как мастер острожного драматургического рисунка, суметь описать тончайшие движения человеческой души и выразить в диалоге самые сложные мысли и чувства.

Но, к сожалению, чаще бывает так, что

ФРАНЦУЗСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ И СОВЕТСКИЙ РОМАН

По залу пробежал гул, точно от волны прибой: слушатели начали громким шепотом переговариваться между собой. Определились два течения. Рабочие, активисты, жизнь которых захвачена профсоюзной и политической борьбой, лучше разбирались в таких произведениях, как «Далеко от Москвы» и «Молодая гвардия», как «Дни и ночи» и «Волоколамское шоссе». А все остальные (особенно женщины) требовали, в первую очередь, большего внимания изображению интимных чувств. Обсуждение сосредоточилось вокруг романа «Жатва» и той драматической коллизии, какую приходилось разрешать героине романа Авдотье. Многие читательницы не могли понять, зачем Авдотья вернулась к своему первому мужу; другие защищали Авдотью и одобряли ее решение. И тут сам собой возник новый вопрос. Вопрос о росте людей, который поддерживается подъемом общественной среды, вопрос о соответствии между персонажем, прошедшим в сознании Василия Бортникова, его жены, и всей жизнью колхоза.

В тот вечер я поняла, что одной «достоверности», даже если она облечена в форму романа, недостаточно для того, чтобы читатель проник в новую для него жизнь. Для французского читателя советская действительность — это как далекая земля, о которой он слышит много разговоров, и притом самых разрозненных.

Роман, переведенный с русского языка, написанный советским писателем и предназначенный для советских людей, представляет для французца в буквальном смысле путешествие. Читая книгу, он оказывается в другой стране, делает открытия. Вехами, компасом, редеями служат для него действующие лица и их чувства. Ведь нет же коренной разницы в человеческих сердцах, ведь герои книг кого-то любят — мужчину, женщину, ребенка. Зато различиям бывает обстоятельство, в которых живет человек, и они отражаются на чувстве любви, дают ему то или иное направление, приводят к его расцвету или угасанию.

И французский читатель, особенно читательница, хорошо сознает эту тесную связь между условиями жизни и человеческими чувствами.

Вот, например, в другом городе на таком же обсуждении один из выступавших, молодой рабочий, сказал с трогательной откровенностью:

— Я был женат, любил свою жену; мы жили в лагере. Пошли у нас дети, а тут теснота, бедность и впереди нечего ждать лучшего. Никакого просвета. Начались у нас ссоры, и, в конце концов, мы разошлись. Условия жизни задушили нашу любовь, а она могла, могла быть очень долгой. А вот героиня «Жатвы» расцвет колхоза позволила проявить лучшие свои черты и избавиться от вопиющих пережитков в своем сознании. Когда писатель мне показывал, как люди изменяются в определенных обстоятельствах, в соответствующем окружении, то я верю и соображаю, о которых он рассказывает, доверяю в той мере, в какой чувствую действующих лиц, в той мере, в какой они меня волнуют.

Писки слухов, этот молодой человек, у которого личная жизнь не удалась из-за тяжелых условий существования, обычных для рабочего-текстильщика, из-за частой безработицы, человек, у которого рхнула одна за другой его мечты о счастье, знает, что в мире не существует «чисто любовных чувств», насколько не зависи-

щих от человеческого труда, от среды, от забот, — словом, таких «чувств в чистом виде», какие все еще рисует нам большинство второстепенных буржуазных писателей. И этот человек ценит реализм советской литературы. А так как действительность, описываемая в советских романах, для него нова и плохо ему известна, он проверяет правдивость книги по действующим лицам, по сходству человеческой психологии, желаний и потребностей. В той мере, в какой он «находит» себя в действующих лицах советских романов, он верит и в то общество, которое описывают эти книги.

Другой рабочий, в Лione, сказал о «Повести о настоящем человеке»:

— Я не был ранен на войне, мне не приходилось заставлять свое тело забыть, что оно лишилось обеих ног. Но я был в концлагере и должен был принуждать себя к стойкости, держать себя в руках, бороться с собой каждое мгновение просто для того, чтобы выжить. Надо полагать...

Тут он остановился, долго подыскивал слова и, наконец, сделал вывод:

—...Надо полагать, что когда люди ведут борьбу сами с собой, то в самом ее источнике у них есть нечто общее. Вот меня поддерживало сознание моего долга патриота, так же как и Мересьева поддерживало сознание его долга.

На другом собрании выступавшая женщина, мать семейства, сказала:

— Я люблю советскую литературу, для меня это чтение — бегство от действительности...

Признаюсь, мне, как докладчице, был нанесен удар. Ведь только что я целый час излагала, в чем состоит социалистический реализм, и вдруг я слышу, что читатель этих самых реалистических романов ищет в них «бегство от действительности». Жесточкий удар! Но все объяснилось совсем иначе. Перед этой женщиной, обремененной заботами, возникла в советских книгах картина жизни, в которой осуществлялись многие ее стремления. Она искала не «бегства от действительности», но воплощения надежды на возможные перемены. Кстати сказать, эта женщина тоже предпочитает те романы, где описывается чувства, потому что тогда «лучше все понимаешь». И ведь, действительно, во Франции у многих советский роман рождает мечту, а затем мечта влечет к действию.

В конечном счете, для наших читателей советских романов дело идет о вступлении в неисследованный мир, и, сообразно своим политическим воззрениям, они всматриваются в этот новый мир доверчиво или настороженно, узнают через советские романы Советский Союз, а главное — советских людей. И чтобы глубже проникнуть в этот новый мир, читатель ищет в человеческой психологии, в сходстве душевных переживаний точек для контакта. И если он их находит, писатель покоряет его. Француз — сознает он или не сознает себя жертвой эксплуататорского строя — видит, что его чувства влекут его к советской жизни.

А уж тогда описываемые события, воссоздаваемые картины действительности становятся для него верными, вытекающими, глубокими, несмотря на отдаленность, на несхожесть с его собственными условиями жизни, на неизбежные различия в нравах, в укладе жизни, быта. Он начинает чувствовать себя, «как дома», в мире советских людей.

После своей поездки с докладами о

советской литературе, после услышанных мною высказываний очень многих читателей, как коммунистов, так и не коммунистов, людей высочайших и людей самых простых, я поняла, что с каждым прочитанным советским романом в душе нашего читателя происходит своего рода сражение, в сознании его неизбежно создается обобщение, он постигает реальную жизнь Советского Союза через те картины, которые возникают перед ним в книге. И он выносит свое суждение. Отдаю «различия» он принимает лишь в той мере (и это довольно естественно), в какой открывает сходные черты. Раз двадцать, не меньше, я слышала такие слова: «Не надо, чтобы действующие лица были очереж совершенными, — совершенных людей на свете нет», или высказывались такие соображения: «Когда герои слишком совершенны, я падаю духом, я думаю: сможем ли мы стать такими людьми?».

Сама страсть критических дебатов, большой интерес к теме моих докладов свидетельствуют, что советская литература уже проникла и в мысли и в сердца многих и многих французца. Большинство книг, о которых я здесь упоминала, уже распродано, и читатели ждут их переиздания. «Буря» и «Жатва» имели рекордный издательский успех (читывая средние тиражи книг во Франции и трудность распространения произведений, выпускаемых прогрессивными издательствами). И, несомненно, каждый советский актуальный роман побуждает нашего читателя бороться за то, чтобы во Франции установилась обстановка, отличная от нынешней, та обстановка, которая позволяет людям расти, то есть расцветать душой.

Доминика ДЕЗАНТИ
ПАРИЖ, сентябрь

№ 112 18 сентября 1954 г. 3

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

Глубина и профессиональность

Трудно ли написать сценарий? Да, трудно. Имеет ли сценарий свои жанровые законы, свои особые средства художественной выразительности, которые надо чувствовать, понимать, внимательно изучать, наконец? Несомненно.

Тут меня охватывает некоторое смущение. Ведь столько раз писалось и говорилось, что никакая специфика сценарного письма нет, что все это выдумки, вредный вздор, способный лишь отпугнуть писателя от деятельности сценариста. Только не отпугните писателя: испортит, уедит, будет гондяться поодаль от киностудий!

И вот «непуганый» писатель несет на студию некое произведение, которое он искренно считает сценарием, потому, во-первых, что оно не похоже ни на повесть, ни на пьесу, потому, во-вторых, что там есть упоминания о затмениях и штормах, и, наконец, потому, что там много диалогов.

Тут-то и начинается нечто такое, что действительно надолго отпугивает писателя от кинематографа. Начинается «переоборудование» этого неопределенного произведения в некую сценарную форму. Произведение умнают, режут, трамбуют, встраивают, скоблят, подпихивают, шпигуют, дотягивают, растягивают и вытязывают. Сотни советчиков, десятки переделывателей самого различного опыта и таланта. И тогда, наконец, все это приведено к «рабочему» виду, писатель не только не узнает своего первоначального сюжета и действующих лиц, но даже не может найти остатков своего замысла.

Самое грустное, однако, то, что под влиянием коффузивного умалчивания о сложности, трудной специфике сценарного письма даже профессиональные сценаристы (да и режиссеры) понемногу перестают вникать в эту специфику, теряют способность выражать свою мысль языком кинематографа, не желают утруждать себя поисками новых и новых изобразительных средств, присущих экрану. Уже не только сценарии, но и фильмы начинают походить на растянутые повествовательнотеатральные полотна без каких-либо признаков кинематографической выразительности — с ее особой сложной краткостью.

В итоге заметно падает профессиональный уровень кинематографов и режиссеров.

В работе над сценарием нет, конечно, ничего такого, чего бы не мог понять,

усвоить, чему бы не мог научиться настоящий писатель. Но понять, усвоить и научиться надо. Иначе над каждой такой несовершенной работой будут кружиться тучи шифовщиков и умалчивателей, и ни к чему, кроме разочарования писателя в кинематографе и кинематографа в писателе, это не приведет.

Самое главное, о чем необходимо помнить: сценарий должен быть подлинным произведением литературы, написанным на том уровне литературного мастерства, который мы вправе требовать от любого создания художественного слова. Между тем множество сценариев (как опубликованных, так и не увидевших света) доказывает, что их авторы усматривают специфику кинематографии именно в том, чтобы написать произведение незавершенное, которому легко прощаются и небрежность, и бесцветные, плоские слова, и неглубокие характеры.

И я не думаю, чтобы талантливый драматург Г. Мдивана, у которого было не мало творческих удач, мог позволить себе писать пьесу так же небрежно, легковесно, как он сделал сценарий «Солдат Иван Бровкин», опубликованный в журнале «Искусство кино», № 8. Психологическая немотивированность поступков героя, неестественность ситуаций, прямолинейность сюжетных ходов отличают это произведение.

Явно чувствуется, что автор смотрел на свою работу, как на полуфабрикат, в специфике экрана он видел лишь ее синопсис зрелищности, эффекты которой он все покрывает, оправдывает и доводит. Такой взгляд, к сожалению, распространен. Очевидно, соглашаясь с такой интерпретацией специфики кинематографии, один наш видный писатель сказал: «Это не плотничья, а фанерная работа».

Это не плотничья и не фанерная, а ювелирная работа! Работа, где писатель должен проявить себя одновременно и как мастер прозы и как мастер острожного драматургического рисунка, суметь описать тончайшие движения человеческой души и выразить в диалоге самые сложные мысли и чувства.

Но, к сожалению, чаще бывает так, что

либо сценарий написан с определенным знанием технологии дела, но нет в нем художества, либо, напротив, есть жизнь, настоящий, серьезный материал, но нет ни грамма кинематографа.

Возьмем сценарий «Судьба Марины» Л. Компанец. Это литературно написанная вещь, с живой мислью, яркими персонажами, сочным диалогом. Но несмотря на ее кинематографические качества.

Вот одна из основных сцен: Терентий Влащенко, окончивший институт, возмущенный, что протест колхозница не может уже быть ему спутницей жизни, приежает в деревню требовать у Марины развода. Автор заставляет Терентия подробно объяснить причину ухода от жены, герои рассказывают о своих переживаниях, а ведь всего этого многолетия, обилия повторов и разъяснений совсем не нужно. Автору следовало положиться на кино, кино, на выразительность крупных планов, которые отразят самые тонкие движения души без помощи подробных диалогов. Положиться на это и дать описание этих немых кадров, стремлясь к той изумительной тонкости, какой отличается, например, лермонтовская проза.

И насколько бы выиграли, скажем, заключительные кадры этой сцены, если бы автор чувствовал выразительность крупных планов и Марина не специально подходила и мелодраматично разглядывала свадебную фотографию, где изображена она с мужем, а, наоборот, все тяжелое объяснение проходило на фоне этого счастливого, безмятежного снимка.

Таким образом, весь приведенный эпизод написан не профессионально, без знания элементной специфики кино. Когда же сам автор не понимает возможностей кино, то кинематографическое начало несильно вгоняется в сценарий и живая, индивидуальная ткань авторского письма гибнет. Так получаются, по-моему, и с фильмом «Судьба Марины»: многие эпизоды испорчены при кинематографической их обработке — фильм значительно хуже сценария.

Сейчас, как известно, запланирован огромный рост кинопроизводства: уже через несколько лет понадобится до ста пятисот сценариев ежегодно. Кто же создаст эти сценарии? Писатели, «привлекаемые в кино» от раза к разу и усматривающие в этом лишь случайную работу, в сущности которой не имеет смысла выникать? Производство не может строиться на столь зыбком фундаменте.

Где взять сценарий? Это вопрос важный, государственный, уже сейчас встаю-

щий чрезвычайно остро. Думается, что ответ может быть только один: нам нужна большая, сильная группа профессиональных кинодраматургов-писателей.

Как мне кажется, есть два основных источника, которые могут дать производств достаточное количество квалифицированных кинодраматургов.

Во-первых, это сценарный факультет ВГИК. Но следует существенно перестроить его работу. Необходимо, например, чтобы студент-сценарист познавал особенности и суть сценарного письма не только литературно, но и производственно, в практическом общении с представителями всех других отраслей киноискусства. Лишь в живом, творческом сотрудничестве с режиссером, актером, оператором, которые начинают со студенческой скамьи, может вырасти полноценный сценарист-профессионал.

Важно было бы, чтобы сценаристы-студенты прикреплялись к съемочным группам на студиях, участвуя в их работе на всех этапах создания фильма: от режиссерского сценария до монтажа и переделки.

Другой источник увеличения кадров кинодраматургов — это, конечно, профессиональные писатели, работающие в других жанрах литературы. Но можно ли их привлечь в кино теми спазматическими повторениями «привычками», которые имели место до сих пор? Разумеется, нет.

Ведь важно не только «привлечь» писателя в кинематографию, но и увлечь его этой работой.

До сих пор, однако, делалось все, чтобы писатель не только не любил, а возненавидел сценарное дело: тут и бесценные инстанции, и бесконечные поправки, и совершенно туманная возможность урвать свое детинце на экране... Нише в связи с громадным увеличением числа выпускаемых картин должны, очевидно, часть эти препоны. Темпы огромного производства неизбежно вытеснят и множественность инстанций и обусловливание сценария поправками — надо делать десятки, сотни картин, нет времени ни для продолжения по бюрократическим инстанциям, ни для традиционных «исправлений». Сценарий за сценарием должны идти в производство — значит, писатель увидит теперь плод своих трудов на экране, а не в кодуемых сценарных отделах...

Однако не следует, конечно, полагаться на действие одних лишь объективных факторов. Нужно ломать бюрократические плотины на пути сценариев, нужно упростить многоступенчатую лестницу прохождения фильма. И основное — нужно приблизить писателя к производству.

Нужно, например, чтобы писатель писал сценарий для определенного режиссера, а не для сценарного отдела, без конкретного адреса, «вообще», как это обычно делается сейчас.

Нужно, далее, чтобы в сценарных отделах не осталось тех, кто только и умеет бойко формулировать поправки, а работали только те люди, которые действительно любят литературу и кино и умеют практически подсказать писателю необходимые решения. Опыт-таки это должны быть люди от производства — профессиональные сценаристы, режиссеры, редакторы.

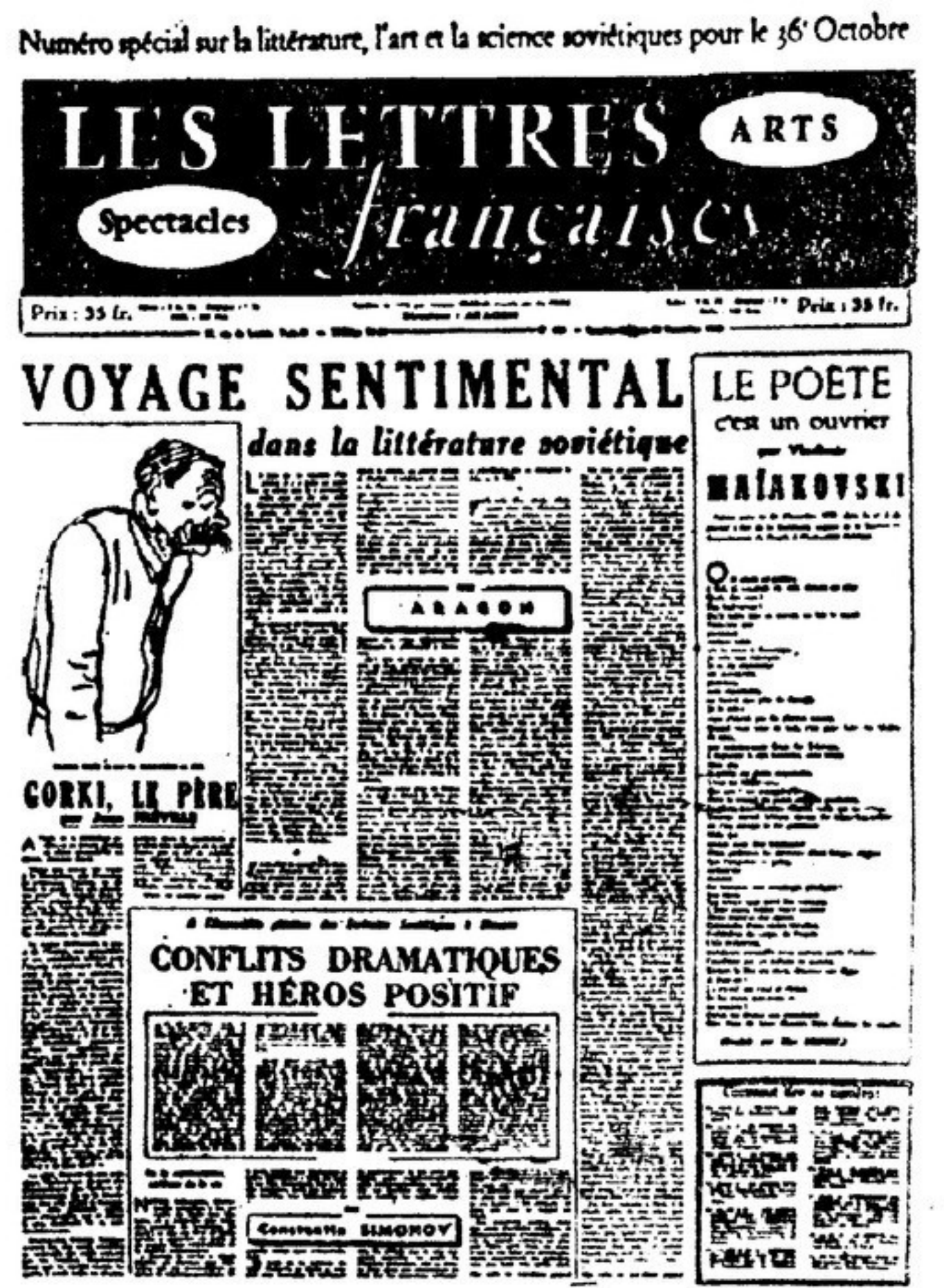
Считается важным организовывать всевозможные семинары, чтобы ознакомить писателей с творческими особенностями кинодраматургии. Во имя тех же высоких целей читаются лекции, проводятся множество всевозможных бесед. Между тем достаточно подлинному писателю хоть с месяц побывать на съемках собственного сценария, чтобы он понял творческие особенности кинодраматургии так, как не усвоил бы их даже после многих лет, отданных семинарам. Достаточно этому писателю провести со съемочной группой хотя бы весь период натурных съемок, чтобы совершенно отчетливо сообразить, сколько неверно сценарий написан, как несправлен и тяжело его диалог, как топорно, примитивно использованы средства кино, как водянисты и велики сцены.

Другими словами, важно и нужно, чтобы писатель — автор сценария (пусть это относится хотя бы только к дебютантам) работал в съемочной группе в течение всего процесса производства картины. И если вот так пройдет он по всем законам и тропам создания фильма — не как сторонний наблюдатель, а как активный участник большой работы, — то это и будет той самой школой сценарного мастерства, лучше которой не смельш.

Настоящий писатель, который окончит такую школу и на практике, так сказать, творческим зрением и слухом ощутит всю мощь и возможность киноискусства, затем не покинет кинематографию.

Быть может, на первый взгляд, все эти организационные вопросы покажутся мелкими, незначительными. Я же убежден, что они имеют сейчас решающее значение, потому что без постоянного действующего крупного отряда сценаристов, настоящих литераторов и профессионалов, наше киноискусство не может идти вперед.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 112 18 сентября 1954 г. 3

Progressivnyy французский еженедельник «Леттр франсез» — орган передовой французской интеллигенции, содействуя укреплению франко-советских культурных связей, уделяет на своих страницах много внимания советской литературе. В «Леттр франсез» были опубликованы: роман «Далеко от Москвы» В. Ажаева, рассказы С. Антонова «Первая должность», стихотворения А. Твардовского, Н. Асеева, В. Инбер и другие произведения советских авторов. Еженедельник регулярно печатает рецензии на выходящие во Франции книги советских писателей.

На номере «Леттр франсез», целиком посвященном советской литературе и искусству.

Наука и наушники

Не с Тайваня я родом, но его называю родимым. И с Тайванем моим, я с ним!

Поля захриели, над ними — гром: американский взрывом.

— Пиши: предан нас Чан Кай-ши.

Придет, глядет ураган, зарохочет Датунь-вулкан.

В этот день в одной из средних школ Лос-Анжелоса...

«мось», «конституция», «право»... Лев КАСИЛЬ

в барах бунтуют американские солдаты. По улицам шляются пьяницы

Магун — порт на о. Панху, используемый американскими империалистами для контроля над Тайванским проливом.

«Четыре семейства» — гоминдановская книга Чан Кай-ши, хозяйничавшая в старом Китае.

Перевел с тайской Александр ТВЕРСКОЙ

Август 1954 г., г. Нанкин

13 Панцзяо и Инсинянь — крайние островные точки на севере и юге Тайваня.

ЦЕЛЬ ОДНА: ВЕРМАХТ!

Наблюдая, с какой быстротой переориентируются по западноевропейским столицам министры иностранных дел Англии и Соединенных Штатов...

По поводу дипломатических вояжей Даллеса и Идена

английские газеты с деланным возмущением протестуют против такой верени.

ЦИТАТЫ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Красная Шапочка — серому волку: — Пойди, расскажи сказку о европейском оборонительном сообществе своей американской бабушке, а не мне!

Вот образчики неоправдавшихся предсказаний боннского канцлера.

Простые англичане говорят: «Нет!»

В последнее время на страницах английских газет и журналов было приведено немало высказываний простых людей...

Английская газета «Йоркшир пост» прямо пишет, что план Идена, в случае его успеха, превратит Брюссельский пакт в «смягченный вариант европейского оборонительного сообщества».

Американская печать не скрывает, что Даллес собирается воспретивать любые планы, которые могут помешать его намерению включить Западную Германию в Северо-атлантический пакт.

Немецкая газета «Юнге вельт» собрала воедино и опубликовала цитаты из различных выступлений Аденауэра...

«Я твердо уверен, что Франция вскоре ратифицирует договор относительно ЕОС».

Вот образчики неоправдавшихся предсказаний боннского канцлера.

Нелишнее напоминание

Молодой рабочий одной из фабрик Ковентри Китс Хаккет заявил корреспонденту журнала «Чалленджер»:

Новая вспышка активности западной дипломатии, таким образом, имеет прежний источник — стремление любой ценой и под любой вывеской обеспечить вооружение Западной Германии.

«Я считаю, что остальные партнеры ратифицируют договор осенью» (1953 год).

Ватиканские парашютисты

Если бы сейчас понадобилось воспроизвести, скажем, на открытке, изображение ангела, то следую исторической правде, надо было бы обвешать его американскими радиопередатчиками, ампулами...